

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ БЕЛОРУСОВ ПОДВИНЬЯ

Владимир Евгеньевич Овсейчик
Полоцкий государственный университет
29 ул. Блохина, Новополоцк, Беларусь
u.auseichyk@psu.by

Аннотация: В статье рассмотрена современная поминальная обрядность населения Белорусского Подвинья. Регион занимает северную часть Беларуси и расположен в бассейне Западной Двины и ее притоков. Основой для статьи послужили материалы полевых этнографических исследований 1990-х — начала 2000-х гг., значительная часть которых собрана автором. В исследовании анализируется индивидуальная (частная) и календарная поминальная обрядность: поминальные традиции на третий, девятый, сороковой (тридцатый) дни и годовщину со дня смерти, а также в структуре календарной обрядности (Деды, Пасха, Радуница, Троица). Рассмотрен порядок ритуальных действий, выявлены некоторые их региональные черты и локальные различия в границах региона. Автор делает вывод, что поминальные ритуалы сохраняют много традиционных черт, однако в то же время происходят их упрощение и редукция, обрядовые действия во время поминков унифицируются, приводятся к общей структуре, стираются границы между общими и индивидуальными поминками. Вместе с тем поминальная обрядность Подвинья имеет существенные локальные отличия, которые проявляются в названиях обрядов, территории их распространения, особенностях проведения участников.

Ключевые слова: поминальная обрядность, белорусы, Подвинье, поминки, ритуал, традиционная культура, эволюция, Радуница, Троица, Деды.

Для ссылок: Овсейчик В. Особенности современной поминальной обрядности белорусов Подвинья // Антропологический форум. 2019. № 41. С. 123–144.

doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-41-123-144

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/041/auseichyk.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2019, NO. 41

FEATURES OF THE MODERN COMMEMORATION RITUALS OF BELARUSIAN PODVINJE

Uladzimir Auseichyk

Polotsk State University
29 Blokhina Str., Novopolotsk, Belarus
u.auseichyk@psu.by

Abstract: The article considers the modern memorial rituals of the population of the Belarusian Podvinje. The region occupies the northern part of Belarus and is located in the basin of the Western Dvina and its tributaries. The article is based on materials from field ethnographic studies of the 1990s to early 2000s, most of which were collected by the author. The study analyzes individual (private) and calendar commemoration rites: commemoration traditions on the third, ninth, fortieth (thirtieth) days, the anniversary of the death, as well as in the structure of the calendar ritual (*Dedy*, *Easter*, *Radunitsa*, *Trinity*). The order of ritual actions is considered, some of their

regional features and local differences within the region's borders are revealed. The author concludes that the memorial rituals retain many traditional features, but are at the same time simplified and reduced. Ceremonial actions during memorials are unified, reduced to a common structure, and the boundaries between common and individual memorials are erased. At the same time, the commemoration rites of the Podvinje have significant local differences which are manifested in the names of the rituals, the area of distribution, and the peculiarities of holding them.

Keywords: memorial rites, Belarusians, Dvina region (Podvinje), commemoration, ritual, traditional culture, evolution, *Dedy*, *Radunitsa*, Trinity.

To cite: Auseichyk U., 'Osobennosti sovremennoy pominalnoy obryadnosti belorusov Podvinya' [Features of the Modern Commemoration Rituals of Belarusian Podvinje], *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 41, pp. 123–144.

doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-41-123-144

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/041/auseichyk.pdf>

Владимир Овсейчик

Особенности современной поминальной обрядности белорусов Подвинья

В статье рассмотрена современная поминальная обрядность населения Белорусского Подвинья. Регион занимает северную часть Беларуси и расположен в бассейне Западной Двины и ее притоков. Основой для статьи послужили материалы полевых этнографических исследований 1990-х — начала 2000-х гг., значительная часть которых собрана автором. В исследовании анализируется индивидуальная (частная) и календарная поминальная обрядность: поминальные традиции на третий, девятый, сороковой (тридцатый) дни и годовщину со дня смерти, а также в структуре календарной обрядности (Деда, Пасха, Радуница, Троица). Рассмотрен порядок ритуальных действий, выявлены некоторые их региональные черты и локальные различия в границах региона. Автор делает вывод, что поминальные ритуалы сохраняют много традиционных черт, однако в то же время происходят их упрощение и редукция, обрядовые действия во время поминок унифицируются, приводятся к общей структуре, стираются границы между общими и индивидуальными поминками. Вместе с тем поминальная обрядность Подвинья имеет существенные локальные отличия, которые проявляются в названиях обрядов, территории их распространения, особенностях проведения участников.

Ключевые слова: поминальная обрядность, белорусы, Подвинье, поминки, ритуал, традиционная культура, эволюция, Радуница, Троица, Деда.

Исследование современной поминальной обрядности является частью более широкой проблематики — функционирования народной культуры на современном этапе развития. Поминальная обрядность — одна из наиболее архаичных и сложно организованных частей традиционной культуры. В современных условиях именно она обладает важным механизмом сохранения традиции, поэтому актуальность ее изучения несомненна. Эта часть культуры не только вобрала элементы семейной и календарной обрядности, но и охватывает значительно больший комплекс социальных проявлений жизни общества. Ее изучение позволяет выявить взаимосвязи обрядовых комплексов семейного и календарного циклов и содействует пониманию других проявлений традиционной культуры. Учитывая уникальный трансграничный статус Подвинья (граничит с Россией, Латвией, Литвой), исследование поминальной обрядности этого региона имеет особую актуальность.

Владимир Евгеньевич Овсейчик

Полоцкий государственный университет,
Новополоцк, Беларусь
u.auseichyk@psu.by

В статье предпринята попытка описания современной поминальной обрядности на основе материалов полевых исследований,

проведенных в регионе. Под современной поминальной обрядностью понимается ее состояние в конце XX — начале XXI в. В работе использованы полевые материалы, собранные в 1990-е — начале 2000-х гг. В основном это интервью с жителями региона (преимущественно старшего поколения). Часть этих материалов впервые вводится в научный оборот. Для анализа сохранности и трансформации обрядности и получения более полной картины функционирования ее современных форм полевые и архивные материалы конца XX — начала XXI в. сопоставляются с данными публикаций второй половины XIX — начала XX в.

В структуре традиционной поминальной обрядности принято выделять частные (индивидуальные) и общие поминальные обряды [Толстая 1985: 81; Шарая 2002: 148]. Первые связаны с поминовением конкретного покойника (в течение года, реже — трех лет со дня смерти) и остаются в границах продолжения погребального обряда. Общие поминки посвящены поминовению всех умерших предков и включены в структуру календарной обрядности.

Однако в современный период кроме группы традиционных обрядов (частных и общих) существует и группа гражданских поминальных ритуалов, связанных с почитанием убитых во время войн (Великой Отечественной, боевых действий в Афганистане), а также умерших известных, заслуженных деятелей. Если для погребальной обрядности рядовых белорусов характерно сосуществование и переплетение элементов гражданских похорон с традиционными [Аўсейчык 2012], то в комплексе поминальных обрядов эти две формы существуют отдельно. Попытки совместить гражданские поминовения с традиционными календарными в Беларуси предпринимались в 1980-е гг., однако не имели успеха [Кухаронак 2001: 366–367].

В Беларуси на общегосударственном уровне установлены специальные гражданские поминальные дни. Согласно указу президента «О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь» от 26 марта 1998 г., в список праздничных дней включены День памяти воинов-интернационалистов (15 февраля), День чернобыльской трагедии (26 апреля), День всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны (22 июня). Поминовение павших в годы Великой Отечественной войны происходит также в День Победы (9 мая) и День независимости (3 июля). Среди всех гражданских поминальных ритуалов особенно распространены посвященные памяти жертв Великой Отечественной войны. Бытование этой традиции не только среди белорусов, но и среди русских и украинцев повлияло на официальное установление

соответствующего поминального дня Православной церковью. Решением Архиерейского собора Русской православной церкви в 1994 г. 9 мая стало днем особого ежегодного поминовения воинов, «за Веру, Отечество и народ жизнь свою положивших, и всех страдальчески погибших в годы Великой Отечественной войны» [Афанасий 1995].

Несмотря на достаточно широкую представленность гражданских поминальных обрядов, среди белорусского населения Подвинья наиболее распространены традиционные поминовения (как индивидуальные, так и календарные).

Частные (индивидуальные) поминовения

В отличие от погребальной обрядности и календарных поминок, информация о поминальных обрядах белорусов Подвинья, которые совершаются в течение года со дня смерти, в этнографических сборниках XIX — первой трети XX в. представлена мало. Этнограф и археолог Н. Анимелле отмечал, что частные поминки — довольно редкое явление у сельского населения по сравнению с календарными поминовениями. По словам исследователя, они встречались только у зажиточных крестьян [Анимелле 1854: 212]. С.Г. Нечаев упоминал, что белорусы Бегомльщины (современный Докшицкий район Витебской области) поминали умерших только два раза после смерти: на сороковой день и на Прыкладзіны¹ [Нечаев 1874: 227]. В то же время Н.Я. Никифоровский приводил сведения о большем числе таких поминовений в восточной части региона. Он отмечал, что поминки проходили на третий, девятый, двадцать первый, сороковой дни и на годовщину [Никифоровский 1897: 295]. В зависимости от времени проведения поминки имели соответствующие названия: «третины» («траціны»), «шестины» («шасціны»), «девятины» («дзевяціны») [Там же]. Однако более детально эти поминальные обряды исследователь не описал. Не рассмотрели эту часть народной культуры и другие этнографы XIX — первой трети XX в. Недостаёт и сведений, относящихся ко второй половине XX в. Только систематическое исследование Подвинья в 1990-е — начале 2000-х гг. позволило накопить значительный объём материалов по индивидуальным (частным) поминальным обрядам белорусского населения региона.

В наши дни разделение поминальных обрядов на частные (индивидуальные) и общие условно. Для современного состояния

¹ Под Прыкладзінамі понимается поминальный обряд, который совершается в течение первого года после похорон и сопровождается приведением могилы в порядок (обкладывание ее дерном, камнями, деревом, установка надгробий и др.). Более подробно см.: [Овсейчик 2018].

традиционной поминальной обрядности белорусов характерно стирание границ между общими поминками и частными. Как свидетельствуют материалы полевых исследований, индивидуальные поминовения перестают ограничиваться годом со дня смерти [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 2. Л. 28, 40; Д. 8. Т. 8. Л. 41]. Количество их возрастает: поминовения совершаются не только в определенные дни после смерти, но и в день рождения покойника [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 1. Л. 38; Д. 8. Т. 9. Л. 8; Д. 11. Л. 12, 15, 39]. Некоторые элементы частных поминовений включаются в календарные обряды. В календарных поминальных ритуалах становится распространенным почитание не общей группы «дедов»-предков, а конкретных умерших родственников. «Индивидуализация» календарной поминальной обрядности проявляется даже в таком архаичном элементе, как формула-приглашение умерших предков на Деды. В современный период особенное внимание в таком приглашении направлено не на общую категорию «дедов»-предков, как это было в прошлом, а на недавно умерших родных: *Завуць, памолюцца Богу, там: «Тата, мама, брат, сестра, а каму некуды ісці, і тых прыглашайце»* [1]¹; *Ну вот прыглашаіш, вот свечачку запаліш, памоліся Богу, а тады як у мяне і мужык памёр, тады стаю ўжо ў вакне і заву: «Мама і тата і Валодзя, ён зваўся, прыхадзіце ў Дзяды, і ў каго нема куды, завіце ўсіх сюды». Вот такія слава гаварылі* [2]. Эта тенденция проявляется также в размещении на поминальном столе фотографий недавно умерших: *На Дзяды грамнічную свечку палілі, картачкі на стол ставілі, прыгаваравалі, каб прыхадзілі на вячэру* [3].

В зависимости от локальной традиции и вероисповедания количество индивидуальных поминальных ритуалов, а также особенности поминовения в каждый из них отличаются. Наиболее распространены сейчас поминки на третий (или на следующий после похорон) и сороковой дни, а также в годовщину смерти. У белорусов католического вероисповедания поминальные обряды происходят преимущественно на третий и тридцатый дни, на годовщину со дня смерти.

У белорусов Подвинья, как православных, так и католиков, сохраняется архаичная традиция поминать умершего уже на следующий день после похорон. Обрядовые действия во время этих поминок ограничиваются посещением кладбища, а в ряде случаев и проведением там трапезы (как считается, в ней участвует покойный): *Вот сягоння пахавалі, назаўтра рана нада ісці. <...> Гэта ж кажучь, разам паядзём там, ці пайдзём разам там паснедаем* [4]. В этот день кладбище посещают только родные умер-

¹ См. список информантов в конце статьи.

шего. Традиция навещать могилу умершего на следующий день после похорон в наше время еще встречается под названием «будить умершего» («будзіць памерлага»): *На трэці, як памрэ, гэта будзіць нада, абед нясіці, заўтрак. Пабудзіць нада, гарэлку нясуць, закуску* [5]; *У нас на заўтра ідуць на кладбішча і будзюць яго, тады тожа, садзяцца, прыходзюць* [13]; *У нас ходзяць. Гавораць: «Есці нада несіці пакойніку». Самі ідэ́м там, сзываеш каго бліжэйшых і там наліваеш чарачку, паложыш есці ўсё. Абязцельна назаўтра ходзяць* [24]; *А хадзілі, ну хадзілі праведаць, як яму там спалася. Гаварылі тады пыталіся, як ты тут ночку начаваў* [25].

Традиционно на Подвинье такая поминальная трапеза проходила на самой могиле, которую застилали специальной скатертью или полотенцем: *На заўтра сабіраюцца, ня ўсе ж сабіраюцца, там ці сын, ці дачка, ці маці, колькі чалавек пойдзіць там, ну што прыдуць, магілку засцелюць, па сто грам вып’юць, настаяць, наплачуць і пойдучь назад* [6]. Одним из элементов такого поминовения, по словам информантов, является практика оставлять умершему еду на могиле: *А назаўтра? — Хадзілі будзіць. Палажылі яды. Гарэлку ў чарку, а закуску на тарэлку* [LLTILTR. В. 7647. Р. 68]. Как показывают материалы полевых исследований, сейчас это не всегда выполняют, особенно под воздействием священников: *Ну гэтак на заўтра ходзяць, так. Занясут там, як цяпер гарэлку занясут. Бацюшка, ксендз не разрашаець каб насілі на кладбішча гарэлку, не выпівалі. А раньша тады прынясуць, румачку нальюць, а што там пакойнік той, паложыць там канфеты, пячэнне — птушка з’есць там* [26]; *А не, не, уперад бралі, бываець і вып’юць тамака, а цяперака і бацюшка, і ксёндз гавораць — гэтак лішняе, не нада нічога, каб на магільніку нічога не астаўлялі ежнага. Цвяткі тока прынясуць* [27]. Если поминальную трапезу не совершают на кладбище, ее обычно проводят дома [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 2. Л. 28; Д. 8. Т. 9. Л. 11].

Необходимость поминовения на следующий день после похорон, как и выполнения ряда предписаний в этот день, современные сельские жители региона иной раз объясняют присутствием покойника (его души) в мире живых: *Ну каля дома ж гаворыцца душа тры дні знаходзіцца, трое сутак. Ну якія там, ну бываіць дзе стук, а слядоў там ніякіх нідзе нет* [25]. По этой же причине запрещается убирать поминальный стол: *Ну гэтак другі, на другі дзень ідуць гэтак, ну гэтак чытаюць Літанію. Там ужо іэта там есці што нясіці асоба — стол жа не ўбіраюць як пакойнік вот пахаваюць і абед даюць у хаце, дык стол жа не ўбіраюць ужо — астаўляюць што — та прыйдзець ужо — астаўляюць што-та прыйдзець пакойнік ужо* [28].

Следующие поминки у белорусского православного населения Подвинья проходят на девятый день после смерти. Этот по-

минальный обряд связан с представлением о проводах души в дальнюю дорогу, из которой она возвращается только на сороковой день [Сысоў 1997: 381]. Традиция помянуть умерших в эти дни распространена не во всем регионе. В некоторых местах она относительно позднего происхождения: *Цяпер выдумалі і дзевяты дзень, даўней не было* [29]; *Гэта ж і шасьціны бываюць. Цяпер і дзевяць дней. — А даўней не было дзевяці дней? — Не-а. Тры дні, тады шасьціны, а тады як ужо год* [30]; *Моляцца і на дзевяты дзень, але ня ўсюды. Аснаўное сорок* [31]; *Як хто хочыць. Праз дзевіць, сорок, на сорок дней ужо болей памінаюць, каторыя так, дык праз дзевяць дней памолюцца там, ці ў цэркві, ці паперку занясуць бацюшку. А бальшыństwo ў сорок дней, а вапшчэ некаторыя праз год, ай, вот год прайшоў, мой там памёр ці мае памёрлі, праз год успамніаюць* [32]. Это обусловлено распространением в последнее время влияния церкви на погребально-поминальную обрядность. Поминки на девятый день проходят довольно скромно и обычно без посещения кладбища. Дома совершают поминальную трапезу, на которой присутствуют только родные и самые близкие покойного [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Т. 9. Л. 11; Варфаламеева 2004: 387]. К этому поминальному дню иной раз приурочивают церковную службу по умершему [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т. 1. Л. 42; Д. 5. Т. 1. Л. 5]. Среди католического населения Браславского района Витебской области зафиксирован похожий поминальный обряд на седьмой день после смерти. В этом регионе он известен под названием «жалобны стол» (такое же название имеют поминки на третий и тридцатый дни) [Chodorowska 1997: 140–141].

Сейчас наиболее важными в цикле частных поминовений считаются поминки на сороковой день (у католиков — на тридцатый). Согласно поверью, после смерти человека его душа определенное время находится на земле, а через сорок (у католиков — тридцать) дней отправляется на небо («у вырай») [Валодзіна, Васілевіч 2011; Лобач, Салавей 2011: 163]. Поэтому эти поминки отмечаются как провода души в «иной» мир: *Гэта я не знаю, як паложэна. Гэта ўжо Бог душу забіраіць. Да сарака дней душа ходзіць, у нас эдак, у рылігіі. А ўжо послі сарака дней Бог тады ўжо судзіць чалавека. Ну эта на рылігіі* [33]. У белорусов Подвинья католического и православного вероисповеданий важным моментом в этот день считается церковная поминальная служба [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т. 1. Л. 20; Д. 4. Т. 1. Л. 37; Д. 8. Т. 1. Л. 8]. По мнению информантов, церковная служба играет значительную роль в посмертной судьбе души умершего: *Ну дык гэта ж душа ходзіць, пакуль яе не прымуць там. Ей жа нада хадзіць, пака сорок дней не памоляцца за яе, і ей жа нада скітацца. Гэта ж чалавек памірае — цела хароняць, а душа ж ходзіць, куды заслужыла, туды і пойдзець. Ці ў пекла,*

ці ў рай, куды яе адправяць. Я кніжку чытала, цяпер не магу чытаць, ой інцярэсная. Пра аднаго кажучь, з гэтых мест святога, які вывучыўся на бацюшку і жывець ён у манастыре Жыровецкім, так туды ездюць. Ён там работаець, так ён кніжак, як сюды прыязджае, многа прывозіць [34]. Считается, что такая поминальная служба должна обязательно состояться не позже сорока (тридцати) дней после смерти: *Да. Ну ешчо сорок дней нет, дзень які там два не хватаець да сарака, болей у нас у васкрасене закупаваюць. Бацюшка у гэтыя рабочыя дні, ідзе цэркаў адкрывае. І так другія есцяка дзэлы, то пакойнік дзе, то што* [9]; *У нас ужо саракавы дзень. А еслі ўжо не выходзіць у сорок, нада раней. Нада раньшэ, што б не было болей як сорок. Вот тады закупаваюць, ну ў цэркаў падаюць, закупаваюць паніхіду, і бацюшка пасля імшы моліцца пасярод цэрквы, ўсё і ездзюць на кладбішча, ў каго ёсць машыны, саберуцца і з'ездзюць і там атведаюць* [2].

Такие представления связаны с поверьем, что душа умершего сорок (у католиков — тридцать) дней находится в мире живых, после чего отправляется на Божий суд: *А гэта, сынок, не магу точно сказаць, але пасловіца гэткая: «Глядзі перад іконай як пахаваеш, што там будзе лётаць — ілі мятлічык, ілі муха», — дык гэта, кажучь, душа яго. І душа ў хаце да сарака дней. Гэта і бацюшка расказваець. А тады сорок дней як закончаць, сорок дней, гэта абедня вялікая ў цэркаві, адправа, паграбненне. І гэта кажучь, што ён стаіць на каўры ў цэркове, а яго ўжо Бог судзіць, зарабіў у пекла — туды яго, зарабіў ў царства нябеснае — значыць сюды* [35]. По этой причине на протяжении сорока (тридцати) дней необходимо выполнять ряд предписаний — выставлять на окно хлеб и воду, не убирать постель умершего и т.д.: *Ну і гаворуць, што койка, пакуль сорок дней, дзе ён памёр, і далжна стаяць* [9]; *Гаворуць, нейкі абачай нада, што б на акне стаяла вада і хлеб, усе* [9].

На поминках на сороковой (тридцатый) день в доме умершего происходит застолье, на которое приглашают почти всех, кто принимал участие в похоронах [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т. 3. Л. 8; Д. 4. Т. 1. Л. 37; Д. 7. Л. 22]. Еще сохраняется предписание проводить эти поминки не позже сорокадневного срока: *Ну ў нас у гэта ў тры дні ідуць на кладбішча, тады ў дзевіць дней, а патам ужэ як сорок, да сарака, ужо калі дні два-тры ўпярод здзелаюць, гэта разрышаецца, ну после сарака нільзя* [7]. Однако зафиксированы случаи, когда современное сельское население Подвинья не совершает эти поминки строго на сороковой (тридцатый) день, а приурочивает к ближайшим выходным [Варфаламеева 2004: 387].

Традиционно у белорусов Подвинья траур после смерти продолжался целый год. В течение этого периода в семьях, где

кто-то умер, было запрещено играть свадьбы, веселиться, петь и танцевать [Никифоровский 1897: 294; Sielicki 1982: 96]. Траур по умершему проявлялся и в особенностях проведения некоторых календарных праздников. Так, в тех домах, где в течение года был покойник, не рисовали мелом крестов на Крещение, а только процарапывали их в нужных местах ножом, не обжигали животных и людей «грамнічнай» свечой, на Пасху и Духов день не красили яйца, не устанавливали «май» (березовые ветки) в Троицын день [Никифоровский 1897: 294; Шлюбскі 1928: 221]. Похожие запреты еще характерны для современного сельского населения Подвинья. В регионе остается распространенным предписание не красить яйца на Пасху в тех семьях, где в течение года был покойник: *А на Вялікадні яйкі красілі? — Красілі. Ну як хто памрэ ў гэты год, тады не. Не красяць ў гэты год. У мяне брат памер, тады братава, на адным гаду памярлі. Дык два гады не варыла яйкі* [8]. Соблюдение траура по умершему в течение года со дня смерти не потеряло своего значения и сейчас. Оно проявляется в запрете чрезмерно веселиться, слушать музыку, в предписании носить одежду темного цвета [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т. 4. Л. 46; Д. 4. Т. 1. Л. 13; Д. 5. Т. 1. Л. 18]. В наши дни срок соблюдения траура иной раз варьируется в зависимости от категории умерших: *Калі памірала маці — траур год, бацька — паўгода* [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 18].

Католическое и православное население Подвинья поминает умерших также через год после смерти. В прошлом, как свидетельствуют источники, поминовение в годовщину смерти было распространено не во всем регионе. Его отсутствие фиксируется в тех частях Подвинья, где распространен обряд Прыкладзіны: *Прыкладзіны дзелалі. Усю жыць у Прыкладзіны. Вот сорак дней, і год у нас не было пераж* [9]. Сейчас Прыкладзіны постепенно вытесняются поминками в годовщину смерти: *Прыкладзень ужо ня робяць, робяць год. У мяне брат у горадзе памер, дык ужо не робілі Прыкладзень, але хадзілі на кладбішча. Ня Прыкладзены, а як прыкладаюць у той дзень, а год ужо* [10]. Можно полагать, что в прошлом этот обряд завершал цикл частных поминовений. Однако под влиянием церкви поминки в годовщину смерти распространились на всей территории региона.

На годовщину принято заказывать в храме поминальную службу [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 1. Л. 37; Д. 5. Т. 1. Л. 47]. В этот день родные навещают могилу покойного, а потом совершают трапезу дома: *А ў гадавіну? Тожэ. Падаём запісачкі, моліцца бацюшка, ходзіць асвешчаіць магільку* [36]; *Ну цераз год нада адмячаць, у нас ходзюць... Свечачку запалюць, гэту занясуць яму канфет, закускі, паставяць усе, гарэлку пьюць, у чарачку яму, усе пасядзяць каторыя, стол накрываюць, у каго столікі пароблены, закуску паставяць, гарэлку вып'юць* [37].

Поминовение в годовщину после смерти завершает цикл частных поминок, которые происходили в доме умершего. Однако в Подвинье, как свидетельствуют источники, поминовения иногда продолжались в течение трех лет. Про такую особенность региона писал еще в 1820-е гг. К. Фалютынский [Фалютынский 1828: 88]. В наши дни этот срок частного поминовения по-прежнему фиксируется у сельского населения в некоторых частях Витебско-Смоленского пограничья [Пашина 2003: 111; Шагалева 2004: 745]. Встречаются даже свидетельства о 15-летнем поминовении умершего [Пашина 2003: 111]. Эту традицию у белорусского и в целом восточнославянского населения нельзя назвать распространенной. Подобная ей известна только у южных славян и была зафиксирована в северо-западной части Болгарии, на что обратила внимание О.А. Седакова. Исследовательница отмечала, что у восточных славян такой традиции не существовало [Седакова 2004: 69].

Наряду с обрядовыми действиями, которые совершают в течение года (реже — трех лет) после смерти, у белорусского населения Подвинья сохраняется ряд предписаний и представлений относительно особенностей почитания умершего. Так, в наши дни распространено представление, что надгробие можно устанавливать только через год со дня смерти: *Ну год пройдзе, дык памятник ставяць, а да гэтага не ставяць. Вот так* [11]. Иногда информанты называют эту традицию новой: *Памятник, як даўна хто там стаўляў. Камень які ўзвернуць на магільку. А цяпер у год стаўляюць* [12]. Ее появление связано с улучшением материального положения людей и развитием ритуальных услуг. Толкование запрета на установку памятника к годовщине в наше время обусловлено не только традицией, но и прагматикой: *Калі памятник ставіць? Нада, што б год прашоў. За тое, што заране зямля садзіцца* [4].

Для современного состояния поминальной обрядности характерно стремление к унификации обрядовых действий в индивидуальных поминовениях. Несмотря на сохранение специфичных элементов в каждом из поминальных обрядов, многие из которых имеют архаичный характер, заметна тенденция к формированию общей структуры. Неотъемлемыми компонентами каждого индивидуального поминовения становятся церковная служба, посещение кладбища (которое может сопровождаться трапезой) и домашнее поминальное застолье.

В западной и центральной частях Подвинья сохраняется обряд Прыкладзіны. Сейчас он существует в сильно редуцированном виде, а в некоторых местах вообще исчез: *Прыкладзіны былі, а цяпер ужо не робяць. Толькі сорак дней, а Прыкладзіны мала хто робіць. Ну абкладаюць магільку, прыкладаюць дзёрнам* [13]. Даже

«приложение» (обкладывание могилы дерном) постепенно исчезает в связи с распространением новых материалов (бетон, железо) в оформлении надгробия [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 2. Л. 5, 35; Д. 5. Т. 1. Л. 31]. В наши дни «приложение» могилы иногда происходит только в том случае, когда на ней не устанавливают памятник: *Ну як цяпер хто памятник не паставіць, тады ўжо дзёрнам абкладаюць на зіму, каб холадна не было яму* [14]. Как свидетельствуют современные полевые материалы, часть обрядовых действий (а иногда и все) переносится с Прыкладзінаў на поминки, которые совершаются в годовщину со дня смерти [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т. 4. Л. 25; Д. 4. Т. 1. Л. 26, 37]. Эта особенность территориально не обусловлена и спорадически встречается в регионе распространения обряда. Она более поздняя и появилась в результате сочетания обрядовых действий во время Прыкладзінаў и поминовения умерших в годовщину со дня смерти. Несмотря на существенные изменения, обрядовые действия, которые сопровождают установку памятника или «приложение» могилы, и их символика по-прежнему сохраняются. Как правило, изменения затрагивают только поверхностные уровни ритуала, которые касаются плана выражения, в то время как глубинные схемы, относящиеся к содержанию, обладают чрезвычайной устойчивостью. На такую общую особенность эволюции ритуала обратил внимание А.К. Байбурин [Байбурин 1993: 11].

Одно из нововведений современной поминальной обрядности — установка памятников или знаков на местах дорожных аварий и регулярное их посещение. Широкое распространение это явление получило во второй половине XX — начале XXI в. Однако случаи установки памятников на местах дорожных аварий были известны в регионе и раньше [Раманюк 2000: 177].

Особенности календарных поминальных обрядов

Важное место в структуре традиционной поминальной обрядности белорусов Подвинья по-прежнему занимают календарные поминки. Это особенно касается поминовения умерших предков в весенний период — на Пасху и Радуніцу. Поминальные традиции имеют локальные отличия. В западной и центральной частях Подвинья распространена традиция почитать умерших на Пасху, а на востоке региона — на Радуніцу.

Неотъемлемым компонентом поминальной обрядности в этот период является посещение кладбищ и *хрыстасаванне* с умершими, когда на могилу приносят пасхальное яйцо [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т. 3. Л. 7; Д. 4. Т. 1. Л. 19; Д. 5. Т. 1. Л. 16]. Для современного состояния пасхальной поминальной обрядности характерны упрощение и редукция — исчезновение ряда

элементов и обрядовых действий. В первую очередь это касается поминальной трапезы, которую совершали во время пасхального посещения кладбища. Некоторые ее элементы выпадают из обрядовой практики белорусского населения Подвинья. Даже сама поминальная трапеза постепенно исчезает: *Раньшэ неяк гэта была, як традыцыя, робілі. А цяпер ужо гэта робяць, еслі перад Пасхай помер родственнік наш, дык на первы дзень на Пасху, патам накрываюць магілу, і патам ужо там бліжайшыя, хто жэлаець, падходзюць, адліваюць. А цяпер гэта ўжо так. Аджыло гэта* [15].

В весенний период в Подвинье сейчас наиболее распространено поминовение умерших на Радуницу. Такая тенденция характерна и для тех территорий, где в прошлом чаще встречалось пасхальное поминовение. На это обращают внимание сами информанты: *Цяпер больш на Радаўніцу ходзяць, а раней не хадзілі. Гэта бацюшка ходзіць моліцца* [14]. Такая ситуация обусловлена несколькими факторами. Во-первых, с 1991 г. в Республике Беларусь Радуница является нерабочим днем. Поэтому поминать предков на кладбища отправляются многие жители страны, независимо от конфессии [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Т. 2. Л. 19]. Вместе с тем посещение кладбищ на Радуницу иницируется Православной церковью. Поминовение умерших в этот день поощряется православными священниками, стремящимися предотвратить посещение кладбищ на Пасху: *Хадзіць перш хадзілі, а цяпер ня ходзім на Вялікання. На первы дзень. А цяпер свяшчэннік сказаў — не, не нада. Раньшы і на яйцу насілі* [16].

В регионе складываются разные варианты сочетания пасхальных и радуничных поминальных ритуалов. В одном случае происходит своеобразное «разделение» между этими праздниками. Если на Пасху почитание умерших происходит в соответствии с прежней традицией, то на Радуницу поминовение носит преимущественно церковный характер: *На Радаўніцу ўжо едем на кладбішча. Бацюшка запіскі чытаець у камніцы у гэтай, і тады ідзець па ўсім кладбішчы і свінцаець усе магілкі. А яму хто сколькі можа падаець. <...> Цяпер ужо <...> і на Вялікадне не п'юць. А на Радаўніцу дык і саўсем нельзя. Толька бацюшка пасвінцаець, і тады едзеш дамоў* [8]. В таком случае приоритет по-прежнему отдается пасхальному поминовению умерших: *На Вялікадня людзей было, прама на магільніку — ну цьма. На Радаўніцу ўжо лічанья прыйдуць, тока ўжо каторыя захочуць пасвінцаць бацюшкам* [8]. Об этом свидетельствует и традиция приносить окрашенное яйцо именно на Пасху, а на Радуницу — белое [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Т. 3. Л. 28, 53; Д. 4. Т. 2. Л. 55]. Если кладбище посещали на Пасху, то на Радуницу яйца могли и не приносить: *І ходзяць на Пасху і на*

Вялікання ходзяць. На Вялікання яйкіносяць, а на Радаўніцу ўжо неносяць [17]. Сейчас в Подвинье более распространена тенденция переносить часть, а иногда и все поминальные ритуалы с Пасхи на Радуницу [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Т. 6. Л. 56; Д. 3. Т. 4. Л. 21].

Изменения коснулись и радуничной поминальной обрядности. В наше время из нее исчезают отдельные элементы и группы элементов. В первую очередь это относится к обрядовой трапезе на кладбище [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т. 1. Л. 34]. В значительной степени такая ситуация обусловлена тем, что радуничная поминальная обрядность находится под пристальным контролем Православной церкви. Поэтому на первый план выходят церковные компоненты: церковная служба, освящение могил священником и т.д.

В наши дни в Подвинье широко распространено поминовение умерших на Троицу. В прошлом, как свидетельствуют этнографические материалы, троицкие поминальные обряды были характерны для северной части региона. Сейчас происходит их распространение и на той территории, где в прошлом они не встречались. На это обращают внимание и информанты: *Я вам скажу. Гэта ціпер на Тройцу ходзяць на кладбішча, прыдумалі. <...> Гэта празнік быў. А на кладбішча ніхто не хадзіў* [18]. Такая ситуация обусловлена поминальным характером этого праздника в Православной церкви. В прошлом посещение кладбища происходило преимущественно в субботу накануне Троицы [Шейн 1890: 628]. Для конца XX — начала XXI в. более характерно посещение кладбищ в сам троицын день [Варфаламеева 2004: 110–111]. В северных районах Подвинья посещение кладбищ на Троицу сопровождается поминальной трапезой [Там же: 110]. В этой части региона сохранилась традиция приносить на кладбище яйца, окрашенные в зеленый цвет: *Дык спецыяльна яйкі к Тройцэ красілі? — Красілі знайця чым, бярозавым лісцем. Насабіраеш бярозавага лісця, яны такія зялёненькія тады* [19].

В календарном поминальном цикле важное место по-прежнему занимает обряд почитания умерших предков — Деды. Это одна из самых архаичных и отличительных традиций, распространенная у белорусов и частично украинцев [Шарая 2002: 147]. Сам обряд заключается в поминальном застолье, которое проводится дома. Согласно народным представлениям, в эти дни души умерших предков спускаются на землю, чтобы посмотреть, как их почитают, и приходят в свои дома на поминальную трапезу [Никифоровский 1897: 296]. Обряд встречается на всей территории Подвинья среди православного населения. У католиков он фиксируется не так часто. Под влиянием Католической церкви эта традиция была вытеснена «официальными»

поминками, которые приурочены к Задушному дню (польск. *Dzie Zaduszny*, 2 ноября).

В наши дни белорусы Подвинья отмечают Деды от одного до шести раз в год. У местного населения даже существует поговорка об их числе: *Каб сёмы Дзед, дык звёўся б і свет* [LLTILTR. В. 7647. Р. 129]. Число Дедов в каждом конкретном случае обусловлено локальной традицией. Сейчас проведение, структура и ход поминовения на разные Деды мало чем отличаются. Специфика проявляется лишь в ассортименте блюд на поминальном столе: *Сматра якія Дзяды, калі посныя, то там усяго ладзілі, біз мяса* [20]. В качестве различий информанты указывают и название обряда: *А вось Стаўры такія, можа гаварылі, чым яны атлічаюцца? — Кожныя Дзяды — названія, вот Грамнічныя, тады Масленыя, мусіць ёсць Дзяды во гэтакія во* [17].

Важное значение для населения Подвинья имеют осенние Деды: *Асяніны — гэта дужа даўныя, гэтыя дзядоўскія, прадзеды ўжо гэта спраўлялі, і цяпер спраўляюць гэты Дзяды. Яны дужа бальшыя Дзяды, самыя глаўныя* [21]. Осенние Деды проходят в Подвинье преимущественно в ноябре. Православное население региона совершает обряд в Дмитриевскую поминальную субботу.

В 1990-е гг. в Беларуси была предпринята попытка придать осенним Дедам общегосударственный статус. Согласно закону «О праздничных днях в Республике Беларусь», принятому в 1991 г., нерабочим поминальным днем в стране стал День памяти (2 ноября). Однако он так и не вошел в обрядовую практику белорусского населения региона в качестве дня осеннего поминовения умерших. Зафиксированная дата противоречит православному календарю, в котором Дмитриевская суббота относится к переходящим праздникам и зависит от дня Пасхи. Сельское православное население Подвинья считает фиксированное время проведения осенних Дедов «неправильным» [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Т. 8. Л. 44]. Иногда это создавало путаницу в поминальном календаре той или иной локальной традиции. С 1998 г. День памяти перестал быть нерабочим, но в отдельных случаях стало практиковаться строго отведенное время поминовения.

Традиционно осенние Деды проводили дома без посещения кладбищ. В наши дни в регионе отмечается спорадическое посещение кладбищ, которое строго не регламентировано [Аўсейчык 2010: 205–206]. Празднику предшествуют приготовления. Сейчас в Подвинье еще существует традиция накануне Дедов мыться в бане. В некоторых местностях в бане оставляют воду и веник для умерших предков, которые, как считается, придут мыться. Иногда их специально приглашают: *А вот*

у баню ці прыглашаюць дзядоў? — Прыглашаюць. Мочуць венікам, ставяць пасуду, льеш вадой, мачаеш венік і астаўляеш — гэта дзядам мыцца [22].

Ассортимент блюд, которые сейчас готовят на Деды, значительно отличается от традиционного. Однако требование готовить к поминальному ужину ритуальные блюда сохраняется [ФАПУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 2. Л. 46, 53; Д. 8. Т. 9. Л. 7]. Прежде почти повсеместно соблюдалось правило готовить к поминальному застолью нечетное число блюд. Похожее представления бытуют и в наши дни: *Сем ці пяць страў, каб няцотна, на стол ставілі [38].* В ряде мест Подвинья сохраняется также требование на Деды «пустить пару» — приготовить горячие блюда: *Страў варылі каб цёплае. Каб пара пашла, а тады варылі, хто што мелі [LLTILTR. В. 7647. Р. 53].* Это связано с поверьем, что души умерших предков, которые приходят в этот день в дом, могут питаться исключительно паром от горячих блюд [Толстая 2000: 75].

В некоторых местностях Подвинья поминовение на Деды начинается с ритуального приглашения предков на ужин: *[I] на Дзяды, як пайдзем за стол. I хто ўмеець, і Богу памоліцца, і троху перахрысціцца: «Ну хадзіце к нам на Дзяды, вядзіце дзе каго няма к каму, дык вядзіце сюды старых памаленьку» [10]; Як усё было. Блін адкладзеш на вакно і завеш: «Хадзіця, тамацька, усе к свайму столу». Перабіраеш усіх на імёнах [39].* Однако чаще поминальное застолье проходит без приглашения предков, только с произнесением молитв [ФАПУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т. 4. Л. 22; Д. 8. Т. 9. Л. 7]. В некоторых частях Подвинья еще сохранилась традиция, перед тем как приступать к трапезе, откладывать в отдельную миску немного еды, а также отливать водки (для «дедов»): *Кладзём, да-да, малая тарэлачка і кождага блюда, што толька строіш, усё адкладываіш. I дажэ і чарачкі ўліеш туды [2].* В прошлом, как свидетельствуют материалы, было принято откладывать еду предкам не в миску, а непосредственно на стол: *А тады, во, наставіш у міску, а тады хлеба ўжо ж адкроеш і макаеш у місачку, у капуста. I завеш гэтых усіх, тамака, і мужчын, Язэп, Іван, усіх, як у цябе хто памёр. Раньшэ на стол клалі, а цяпер жа ў місачку кладзеш [8].* На значительной территории Подвинья традиция «откладывать» умершим уже исчезла. Вместо этого, чтобы «угостить» умерших предков, после проведения Дедов им оставляют еду на столе. В этой ситуации стол остается на целую ночь необруанным [ФАПУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Т. 3. Л. 19, 46; Т. 4. Л. 22; Д. 4. Т. 1. Л. 17]. В некоторых локальных вариантах обряда поминальная трапеза завершалась проводами «дедов» с произнесением ритуальной формулы. Сейчас эта формула еще фиксируется, но в упрощенном варианте: *Пасля вячэры паспасібаваеш*

дзядом: «Спасіба, дзядочкі», — і ідзеш спаць [LLTILTR. В. 7647. Р. 12].

Православное население Подвинья поминает предков и в другие календарные даты. В регионе распространено посещение кладбищ на Яблочный Спас [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 2. Л. 48, 51; LLTILTR. В. 7647. Р. 19, 69, 114]. В некоторых деревнях Докшицкого района существует традиция навещать кладбища на Вербное воскресенье. В этот день приносят освященную вербу и втыкают ее в могилы родных [Лобач 2008: 77; LLTILTR. В. 7647. Р. 23, 71].

Католики Подвинья поминают умерших в День всех святых (1 ноября) или в Задушный день (2 ноября). Поминальные обряды включают участие в службе в храме, посещение кладбища, освящение могил священником. Поминки на кладбищах у католиков в этот день проходят более скромно, чем у православных, без трапезы: *Гэта Усе Святыя. Чысціоць магілкі католікі. <...> І палюць свечкі, нічога не нясуць, ні яды ніякай, ніякай водкі, ні выпівак. Ну і молюцца. І прыязджаіць ксёндз, асвятчаіць гэтыя. Гэта адзін раз у год* [23]; *Свечачку занясеш, цвяты занясеш і ўсё* [40]. В некоторых частях Подвинья встречается поминовение умерших белорусами-католиками на Пасху (западная часть региона) и на Зеленые Святки (Браславский район Витебской области) [ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Т. 1. Л. 31; Т. 2. Л. 6; Д. 8. Т. 7. Л. 9; Д. 11. Л. 49; Chodorowska 1997: 144–145].

Таким образом, этнографические материалы конца XX — начала XXI в. позволяют заключить, что современная поминальная обрядность белорусов Подвинья включает основные индивидуальные ритуалы (поминки на третий, сороковой / тридцатый дни и годовщину смерти), а также поминовения в структуре календарной обрядности (на Деды, Троицу, Пасху, Радуницу). Поминальные ритуалы сохраняют много традиционных черт. В то же время происходит упрощение и редукция обрядов, унификация обрядовых действий во время поминок, приведение их к общей структуре, стирание границ между общими поминками и индивидуальными. Вместе с тем поминальная обрядность Подвинья имеет существенные локальные отличия, которые проявляются в названиях обрядов, территории распространения, особенностях проведения.

Список сокращений

ФАПГУ — Фольклорный архив Полоцкого государственного университета

LLTILTR — Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lieuvių tautosakos rankraštynas

Архивные материалы

- ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ПГУ в Глубокский район Витебской области, 2001 г. (тетрадь 1).
- ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ПГУ в Докшицкий район Витебской области, 2009 г. (тетради 2, 3, 4, 6).
- ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ПГУ в Глубокский и Ушачский районы Витебской области, 2010 г. (тетради 1, 3, 4).
- ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ПГУ в Докшицкий район Витебской области, 2011 г. (тетради 1–2).
- ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ПГУ в Глубокский и Поставский районы Витебской области, 2012 г. (тетради 1–3).
- ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции в д. Свирки и д. Володьки Докшицкого района Витебской области, 2012 г.
- ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Полевые этнографические записи Овсейчика В.Е., 2005–2011 гг. (тетради 7–10).
- ФАПГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11. Материалы опроса по теме «Погребально-поминальная обрядность белорусов Подвинья», 2012–2013 гг.
- LLTILTR. В. 7647. Tautosaka 2006 m. liepos mėnesį prie Neris ištakų surinkta Lietuvos ir Baltarusijos mokslininkų grupės, vadovaujamos Vykinto Vaitkevičiaus.

Источники

- Анимелле Н.* Быт белорусских крестьян // Этнографический сборник ИРГО. 1854. Вып. 2. С. 111–268.
- Афанасий, архиеп. (Сахаров С.Г.).* О поминовении усопших по уставу Православной церкви [1995] // Око церковное — литургическая библиотека. <<http://www.liturgica.ru/bibliot/usopsh/usopsh2.html>>.
- Валодзіна Т., Васілевіч У.* Сарачыны // Міфалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн. Мінск: Беларусь, 2011. С. 426.
- Лобач У., Салавей Л.* Душа // Міфалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн. Мінск: Беларусь, 2011. С. 162–163.
- Нечаев С.* О поминовении умерших: нечто из религиозных обрядов и суеверий в Бегомльском приходе Борисовского у. // Мин. епарх. ведомости. 1874, 15 апр. (часть неофиц.). С. 227–232.
- Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск: Губ. типо-лит., 1897. X+308+30 с.
- Пашина О.А.* (отв. ред.). Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. М.: Индрик, 2003. 548 с. (Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2).

- Фалотынский К.* Народные праздники, увеселения, поверия и суеверные обряды жителей Белоруссии // Вестник Европы. 1828, март-апрель. С. 75–92.
- Шагалеева Т.А.* Традыцыі, абрады, вераванні // Памяць: Гарадоцкі раён: Гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Мінск: Беларусь, 2004. С. 744–748.
- Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. Ч. 2: Бытовая и семейная жизнь белорусов в обрядах и песнях. 716 с.
- Шлюбскі А.* Матэрыялы да вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны. Мінск: Інбелкульт, 1928. Ч. 2. 259 с.

Библиография

- Аўсейчык У.Я.* Пахавальна-памінальная абраднасць вясковага беларускага насельніцтва Падзвіння ў канцы XX — пачатку XXI стагоддзя // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. А: Гуманітарныя навукі. 2010. № 7. С. 199–210.
- Аўсейчык У.Я.* Восеньскія Дзяды ў беларусаў Падзвіння: рэгіянальныя асаблівасці і лакальныя варыянты // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. А: Гуманітарныя навукі. 2012. № 9. С. 35–44.
- Байбурын А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
- Варфаламеева Т.Б.* Традиційная мастацкая культура беларусаў. Мінск: Беларус. навука, 2004. Т. 2: Віцебскае Падзвінне. 910 с.
- Кухаронак Т.І.* Пахавальна-памінальныя звычаі і абрады // Бандарчык В.К. (рэд.). Беларусы: У 13 т. Мінск: Беларус. навука, 2001. Т. 5: Сям’я. С. 351–369.
- Лобач У.А.* Сімвалічны статус і рытуальныя функцыі могілак у беларускай народнай культуры вярхоўяў Бярэзіны і Віліі XX — пач. XXI ст. // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. А: Гуманітарныя навукі. 2008. № 1. С. 71–82.
- Овсейчик В.Е.* Обряд *Прыкладзіны* у беларусов Подвинья // Живая старина. 2018. № 4. С. 15–18.
- Раманюк М.* Беларускія народныя крыжы. Вільня: Наша Ніва, 2000. 221 с.
- Седакова О.А.* Поэтика обряда: погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.
- Сысоў У.М.* З крыніц спрадвечных. Мінск: Вышэйшая школа, 1997. 415 с.
- Толстая С.М.* Деда в полесском народном календаре // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд: Тез. док. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1985. С. 81–83.
- Толстая С.М.* Славянские мифологические представления о душе // Толстая С.М. (отв. ред.). Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 52–95.

Шарая О.Н. Ценностно-нормативная природа почитания предков. Минск: Тэхналогія, 2002. 249 с.

Chodorowska I. Świat żywych i umarłych (możliwości transgresji) // Шыдлоўскі К. (рэд.). Браслаўскія чытанні. Браслаў: Браслаўскае музейнае аб'яднанне, 1997. С. 133–145.

Sielicki F. Pieśni pogrzebowe i dziadowskie śpiewane w b. powiecie Wilejskim // Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensia. Warszawa; Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1982. Т. 22. S. 91–104.

Список информантов

- 1 — Дранкович Г.М., 1936 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Шалогери, 2011 г. (правосл.)
- 2 — Дунец Н.А., 1921 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Торгуны, 2011 г. (правосл.)
- 3 — Седнева Г.П., 1919 г.р., Витебская обл., Бешенковичский р-н, д. Бочейково, 1998 г. (конфессиональная принадлежность неизвестна)
- 4 — Хрол Л.Н., 1922 г.р., Витебская обл., Глубокский р-н, д. Хролы, 2010 г. (правосл.)
- 5 — Дранкович Н.И., 1936 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Глинное, 2011 г. (правосл.)
- 6 — Шуневич С.Н., 1923 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Черничка (II), 2011 г. (правосл.)
- 7 — Батуро В.М., 1928 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Черничка (II), 2011 г. (правосл.)
- 8 — Плыгавка М.И., 1936 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Тумиловичи, 2009 г. (правосл.)
- 9 — Петько Г.С., 1931 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Речные, 2009 г. (правосл.)
- 10 — Демидович М.И., 1924 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Замосточье, 2011 г. (правосл.)
- 11 — Товпинец С., 1948 г.р., Витебская обл., Бешенковичский р-н, д. Шипули, 2013 г. (правосл.)
- 12 — Янукович Ф.И., 1936 г.р., Витебская обл., Поставский р-н, д. Гайдуки, 2009 г. (католич.)
- 13 — Сваток М.М., 1941 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Нестеровщина, 2011 г. (правосл.)
- 14 — Корнилович К.И., 1933 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Дедино, 2009 г. (правосл.)
- 15 — Потез И.Ф., 1934 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Староселье, 2009 г. (правосл.)
- 16 — Толкач А.С., 1933 г.р., Витебская обл., Глубокский р-н, д. Сорки, 2007 г. (конфессиональная принадлежность неизвестна)
- 17 — Дранкович Г.С., 1934 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Тумиловичи, 2009 г. (правосл.)

- 18 — Заяц А.А., 1936 г.р., Витебская обл., Миорский р-н, д. Шараги, 2009 г. (правосл.)
- 19 — Машарская Л.С., 1922 г.р., Витебская обл., Россонский р-н, д. Заборье, 2009 г. (правосл.)
- 20 — Жерносек С.В., 1924 г.р., Витебская обл., Лепельский р-н, д. Прудок, 2001 г. (конфессиональная принадлежность неизвестна)
- 21 — Маскалёнок В.М., 1930 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Торгуны, 2011 г. (правосл.)
- 22 — Шнитко В.М., 1934 г.р., Шнитко Г.Я., 1935 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Черничка (I), 2011 г. (правосл.)
- 23 — Маркович Г.Ф., 1934 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Стенка, 2009 г. (правосл.)
- 24 — Зайцева Е.И., 1934 г.р., Витебская обл., Бешенковичский р-н, д. Высокая Гора, 2013 г. (правосл.)
- 25 — Коростик Л.В., 1950 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Свирки, 2012 г. (правосл.)
- 26 — Матюшенок Ю.М., 1924 г.р., Витебская обл., Ушачский р-н, д. Зерченицы, 2010 г. (католич.)
- 27 — Радюш М.Ю., 1938 г.р., Витебская обл., Глубокский р-н, д. Острowo, 2010 г. (правосл.)
- 28 — Иванская Н.П., 1937 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Литовцы, 2011 г. (конфессиональная принадлежность неизвестна)
- 29 — Глазко М.М., 1926 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Бояры, 2006 г. (конфессиональная принадлежность неизвестна)
- 30 — Ставер В.Ю., 1935 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Марговица, 2006 г. (конфессиональная принадлежность неизвестна)
- 31 — Латышенок М.Г., 1929 г.р., Витебская обл., Поставский р-н, д. Вретеи, 2012 г. (правосл.)
- 32 — Захарич С.С., 1927 г.р., Витебская обл., Глубокский р-н, д. Лапишки, 2012 г. (правосл.)
- 33 — Карнацевич А.В., 1931 г.р., Витебская обл., Поставский р-н, д. Вретеи, 2012 г. (правосл.)
- 34 — Василевич Е.И., 1927 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Тумиловичи, 2009 г. (правосл.)
- 35 — Хилько Л.Г., 1926 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Бирули, 2009 г. (правосл.)
- 36 — Зубович В.В., 1933 г.р., Витебская обл., Глубокский р-н, д. Лапишки, 2012 г. (правосл.)
- 37 — Васикович М.Е., 1936 г.р., Витебская обл., Докшицкий р-н, д. Черница (II), 2011 г. (правосл.)
- 38 — Якубовская Э.Б., 1937 г.р., Витебская обл., Лепельский р-н, д. Гадивля, 1999 г. (конфессиональная принадлежность неизвестна)

- 39 — Ступак С.М., 1926 г.р., Витебская обл., Толочинский р-н, д. Лавреновка, 2007 г. (конфессиональная принадлежность неизвестна)
- 40 — Вышадка Ч.П., 1937 г.р., Витебская обл., Глубокский р-н, д. Хотьки, 2012 г. (католич.)

Features of the Modern Commemoration Rituals of Belarusian Podvinje

Uladzimir Auseichyk

Polotsk State University
29 Blokhina Str., Novopolotsk, Belarus
u.auseichyk@psu.by

The article considers the modern memorial rituals of the population of the Belarusian Podvinje. The region occupies the northern part of Belarus and is located in the basin of the Western Dvina and its tributaries. The article is based on materials from field ethnographic studies of the 1990s to early 2000s, most of which were collected by the author. The study analyzes individual (private) and calendar commemoration rites: commemoration traditions on the third, ninth, fortieth (thirtieth) days, the anniversary of the death, as well as in the structure of the calendar ritual (*Dedy*, Easter, *Radunitsa*, Trinity). The order of ritual actions is considered, some of their regional features and local differences within the region's borders are revealed. The author concludes that the memorial rituals retain many traditional features, but are at the same time simplified and reduced. Ceremonial actions during memorials are unified, reduced to a common structure, and the boundaries between common and individual memorials are erased. At the same time, the commemoration rites of the Podvinje have significant local differences which are manifested in the names of the rituals, the area of distribution, and the peculiarities of holding them.

Keywords: memorial rites, Belarusians, Dvina region (Podvinje), commemoration, ritual, traditional culture, evolution, *Dedy*, *Radunitsa*, Trinity.

References

- Auseichyk U. Ya., 'Pakhavalna-paminalnaya abradnasts vyaskovaga belaruskaga naselnitstva Padzvinnya u kantsy XX — pachatku XXI stagoddzya' [Funeral and Memorial Rites of the Belarusian

- Rural Population of Dvina Region from the End of the 20th to the Beginning of the 21st Century], *Vesnik Polatskaga dzыarzhaunaga universiteta*, series A: Gumanitarnyya navuki, 2010, no. 7, pp. 199–210. (In Belarusian).
- Auseichyk U. Ya., ‘Vosenskiya Dzyady u belarusau Padzvinnya: regiyanalnyya asablivastsi i lokalnyya varyyanty’ [The Autumn Dedy of the Belarusians of the Dvina Region: Regional Peculiarities and Local Variants], *Vesnik Polatskaga dzыarzhaunaga universiteta*, series A: Gumanitarnyya navuki, 2012, no. 9, pp. 35–44. (In Belarusian).
- Auseichyk U. Ya., ‘Obryad Prykladziny u belorusov Podvinya’ [The Rite of Prykladziny of the Belarusians of the Dvina Region], *Zhivaya starina*, 2018, no. 4, pp. 15–18. (In Russian).
- Baiburin A. K., *Ritual v traditsionnoy kulture: strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture: A Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St Petersburg: Nauka, 1993, 237 pp. (In Russian).
- Chodorowska I., ‘Świat żywych i umarłych (możliwości transgresji)’, Shydouski K. (ed.), *Braslav Reading*. Braslav: Braslav Museum Association, 1997, pp. 133–145.
- Kukharonak T. I., ‘Pakhavalna-paminalnyya zvychai i abraды’ [Funeral and Memorial Rules and Rites], Bandarchyk V. K. (ed.), *Belarusy* [Belarusians]: in 13 vols. Minsk: Belarusskaya navuka, 2001, vol. 5: *Syamy* [Family], pp. 351–369. (In Belarusian).
- Lobach U. A., ‘Simvalichny status i rytualnyya funktsyi mogilak u belaruskay narodnay kulture vyarkhouyau Byareziny i Vilii XX — pach. XXI st.’ [The Symbolic Status and Ceremonial Functions of the Cemetery in the Belarusian Folk Culture of the Upper Berezina and Vilia from the 20th to the Beginning of the 21st Centuries], *Vesnik Polatskaga dzыarzhaunaga universiteta*, series A: Gumanitarnyya navuki, 2008, no. 1, pp. 71–82. (In Belarusian).
- Ramanyuk M., *Belaruskaya narodnyya kryzhy* [Belarusian Folk Crosses]. Vilna: Nasha Niva, 2000, 221 pp. (In Belarusian).
- Sedakova O. A., *Poetika obryada: pogrebalnaya obryadnost vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [Poetics of the Rite: Funeral Rites of the East and Southern Slavs]. Moscow: Indrik, 2004, 320 pp. (In Russian).
- Sharaya O. N., *Tsennostno-normativnaya priroda pochitaniya predkov* [The Value-Normative Nature of the Veneration of Ancestors]. Minsk: Tekhnalohiya, 2002, 249 pp. (In Russian).
- Sielicki F., ‘Pieśni pogrzebowe i dziadowskie śpiewane w b. powiecie Wilejskim’, *Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensia*. Warszawa; Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1982, vol. 22, pp. 91–104.
- Sysou U. M., *Z krynits spradvechnykh* [From Ancient Sources]. Minsk: Vysheyshaya shkola, 1997, 415 pp. (In Belarusian).
- Tolstaya S. M., ‘Dedy v polesskom narodnom kalendare’ [Dedy in the Polissya Folk Calendar], *Balto-slavyanskіe etnokulturnye i arkheologicheskie drevnosti. Pogrebalnyy obryad* [Balto-Slavic Ethnocultural and Archaeological Antiquities. The Burial Rite]: Theses of reports.

- Moscow: Institute for Slavic Studies Press, 1985, pp. 81–83. (In Russian).
- Tolstaya S. M., ‘Slavyanskije mifologicheskie predstavleniya o dushe’ [Slavic Mythological Conceptions of the Soul], Tolstaya S. M. (ed.), *Slavyanskiy i balkanskiy folklor. Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balkan Folklore. Folk Demonology]. Moscow: Indrik, 2000, pp. 52–95. (In Russian).
- Varfalameeva T. B., *Tradytsyynaya mastatskaya kultura belarusau* [Traditional Art Culture of the Belarusians]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2004, vol. 2: *Vitsebskae Padzvinne* [Vitebsk Dvina Region], 910 pp. (In Belarusian).